

* * *

Растерянный, уставший до предела,
Не попадаешь в повседневный ритм.
А этот город без предупрежденья
Через тебя стремится говорить.

Вдруг выросшие башни-великаны:
Глядишь на них —
и чувствуешь родство,
Как будто сам —
бессменно-вертикальный,
Как будто сам — до странности —
не свой,

Негабаритный, неуместный явно,
Из фантазмагорического сна.
С самим собой столкнёшься
на стоянке —
И дальше пошагаешь, не признав.

Ты от себя давно куда-то делся.
А всё же думать станешь по пути,

Что столько было планов,
самых дерзких,
Однако, не сработал ни один;

И что необретённые уменья
Обретены не будут никогда:
Играть на музыкальном
инструменте,
Печь пряничные чудо-города,

Косить траву чудовищем
железным,
Играючи. Но ты уже без сил,
И в мореке, что кажется
болезнью,
Садисься в подмигнувшее такси.

Вот ты, кого без памяти любили,
Сейчас один, и едешь наугад,
И видишь сквозь стекло автомобиля
Фрагмент из сна,
последний кинокадр:

Кира Павловна Османова (1982 г. р.) — филолог, поэт, переводчик, эссеист, преподаватель высшей школы. Член Союза писателей России и Союза переводчиков России. Автор публикаций во многих периодических изданиях. Живёт в Санкт-Петербурге.

Газон как перестеленная скатерть,
Кафе-киоск как пряник расписной.
И незнакомец — тот, на самокате —
С чехлом виолончельным за спиной.

* * *

До чего спокойная жизнь,
до чего знакомая гладь...
Движенья привычные, взгляды —
вряд ли волненье выдадут.
Не заметят, впрочем, и те,
у кого намётанный глаз,
Что ты беспокоишься — просто так,
без причины видимой;

Что в тебе принятия нет, ты подвер-
жен страхам любим,
Как будто всегда существует место —
счастливей, правильней,
Безопасней, лучше, чем то,
где сейчас приходится быть,
Но, как бы ни силился, в место это
нельзя отправиться.

Обещал себе помолчать —
но такая вдруг маета!
Не вытерпишь: что, говори, тебя,
как и раньше, мучает?
«Почему я здесь, а не там?
Почему я здесь, а не там?»
А где это «там» — объяснять
не нужно ни в коем случае.

* * *

Верно, такой период —
не в силах себя заставить
взгляд оторвать от капель,
что мерно из крана падают,
голову вскинуть резко
и встретиться с отражением
собственным, прямо здесь
двойника рассмотреть детально.

Какая наружность странная.
Какие глаза безумные.
Кому это может нравиться —
всё время глядеть на копию.
Чем хуже с собой обходишься,
тем явственней боль телесная,
сейчас беспокоит точечно —
в затылке стучит особенно.
Кран этот пыточный капает
без конца.
Вот бы отремонтировать.

Честно признаться,
это чудовищно изнуряет —
долгие годы, как наваждение,
видеть в зеркале
псевдосебя, подделку,
«не то» существо, гомункула
(пусть до сих пор исправного,
было же не придраться):
набор из костей и органов;
искусственное вместилище
инстинктов, реакций, выпадов,
чужих заурядных замыслов;
тюрьму для себя, забытого,
заведомо невиновного,
не вытечь кому, не выбраться
на свет без сторонней помощи;
и ничего не попробовать
предпринять,
чтобы несчастного вызволить.

* * *

Слышен за стенами гомон.
Ты сам себе — душный дом,
Ржавы дверные петли.
И из подобного дома
Хочется выбежать вон,
Больше ни дня не медля.
Бедный жилец! Изнываешь,
Здесь ты давно уже хмур,

Здесь тебе вправду тошно.
Скарб не прихватишь — неважно,
Важно, что трудно вдохнуть,
Выдохнуть, впрочем, тоже.

Бросишься к выходу шало,
Есть ещё время — и то,
Сколько его осталось...
Это пространство решало
Всё за тебя, а итог —
В камере пыток старость?

Поздний побег как искусство.
Вещи ревнивы порой —
С толку сбивают славно,
Мирно тебя не отпустят:
Будешь задержан хитро,
Дальше — совсем ослаблен.

Где-то снаружи прохожий,
Словно нарочно — лукав,
Вдруг рассмеётся гулко.
Но в захламлённой прихожей
Не попадаешь в рукав
Демисезонной куртки.

* * *

Никто не ты. И никогда не станет
Никто — тобой.
Вот мимо старых и знакомых зданий
Бредёт герой.

Кто знает, на пути своём обратном
Что видит он.
Что вправду видишь —
привыкаешь прятать.
Хороший тон.

Но был же рядом кто-то
сопричастный,
В любой момент

С тобой деливший радость
и несчастье!
А вот и нет.

А вот и врут, что кто-то инотелый
Тебя постиг.
Герой пытался много лет не теми
Себя спасти,

Сопротивляясь мысли,
что спасенье —
Не в том, что — вне.
Не в иллюзорной общности
со всеми,
Не в болтовне.

Герой предчувствует квартал —
раздолье
Для бедноты.
Предполагаешь, обращаться стоит
К себе на «ты».

Как будто ты и есть тот образцовый
«Другой», кому
Возможно даже в самой
страшной ссоре
Сказать: «А ну!

Смотри в меня, в окно чужого дома,
Там есть и свет!»
И то ли ты окажешься фантомом,
А то ли нет.

Герой вернулся. Мир его — расколот.
Бери сюжет.
Никто не ты, как это ни прискорбно.
Смирись уже.

* * *

Сколько бы ни было их —
дружелюбных, гневных,
Тех, кто вокруг да около, —
Все уйдут.

